

Соловьев М.М.,
визитинг-профессор
Оксфорд Бру克斯 университета,
д.т.н., профессор
msoloviev@hse.ru

РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В МЕХАНИЗМАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ*

Ключевые слова: реформирование экономики, благосостояние, права собственности, риски

Многолетняя практика сложившегося к настоящему времени мирового сообщества свидетельствует о множестве успешно использованных, неудачных или оставшихся проектами программ и планов, моделей и механизмов реформирования и социально-экономического развития для стран различного масштаба и географии, уровней и условий развития, состояния внутренней и внешней среды, политической нацеленности инициаторов, продолжительности и радикальности преобразований. Их различают терминология и трактовки конечных целей, структура и состав поставленных задач, обоснование и формулировки критериев и ограничений проводимых преобразований, качество анализа и учёта возможных перемен внешней и внутренней среды и т.д. Но при всем их многообразии и различиях можно отметить их практически всеохватывающую общность в двух аспектах: нацеленность на рост благосостояния населения и приоритетное внимание к проблеме распределения и перераспределения прав собственности между государством и хозяйствующими структурами, собственниками и наёмным персоналом.

*Статья подготовлена в качестве дискуссионной в связи с публикациями д.э.н., профессора В.И. Кошкина в журнале «Экономика и управление собственностью» и «Финансовой газете» по концепции демократической модели экономического реформирования России [1].

Рост благосостояния человека (семьи, общества в целом), сохранности и накопления национального богатства, как правило, находятся в числе важнейших целей и задач всех проводимых реформ. Причём с течением времени и систематизацией опыта понятия благосостояния и национального богатства формулируют во всём более многогранном, не только сугубо экономическом (финансовом, имущественном) толковании. В них, в частности, применительно к благосостоянию, различными способами дополнительно пытаются включать данные об уровне жизни, которые в разных вариантах и сочетаниях учитывают определенные показатели социального и иного нефинансового характера. К таковым относят оценки здоровья и длительности жизни, состояния окружающей среды, условий труда и отдыха, политических и экономических свобод, интегральные данные о накоплении человеческого капитала, уровне человеческого развития [2, с.4]. Характерным примером в этом плане могут служить целевые ориентиры, заявленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. В их числе: высокие стандарты благосостояния человека (в том числе: доходы, исчисляемые в функции валового внутреннего продукта (ВВП), обеспеченность жильём, получение образования, экологические показатели и т.д.), со-

циальное благополучие и согласие и др. [3, с.8].

Присутствующие практически во всех программах реформ проблемы собственности наиболее значимую роль играют там, где основное содержание составляют целенаправленные преобразования, определяемые процессами приватизации и национализации. Их «длинные» волны сопряжены с общей динамикой развития мирового сообщества и отдельных стран, особенно сильно проявляясь в критические периоды, связанные с войнами и революциями, глобальными финансовыми и иными системными кризисами. Здесь различными могут быть концепции и механизмы разгосударствления и принудительного выкупа, ограничения и изъятия из оборота применительно к различным видам объектов и субъектов собственности, нормативно задаваемые имущественные пропорции государственного и частного сектора, темпы и контролируемые показатели преобразований, гарантии мелким инвесторам и рядовым гражданам и др. [4, с.351]. Целевым ориентиром и движущим фактором преобразований разрабатываемой в Высшей школе приватизации и предпринимательства (ВШПП) демократической модели рыночного реформирования (ДЕ-МРЭ) также стали вопросы перераспределения прав собственности, приобщения населения к собственности на крупный капитал в продолжающихся процессах приватизации капитала ёмких активов государственных корпораций и других масштабных объектов государственной имущественной собственности [1, с.6].

Рассмотрим эволюции в проблематике обеспечения роста благосостояния и справедливого распределения прав между различными субъектами собственности на то, что создано природой и предыдущими поколениями.

Исторический экскурс: актуализация проблем роста благосостояния

Категории блага и благосостояния человека, этических установок и государственного управления в интересах их обеспечения занимали умы философов и правителей в течение многих веков многих цивилизаций и периодов развития человечества. Системные положения об этике и политике, добродетели и благе человека были сформулированы в Древней Греции в V-IV веках до н.э. Сократом, Платоном и их пос-

ледователями. Во времена Римской империи они были использованы и развиты в различных школах философов и записках–размышлениях государственных деятелей на рубеже новой эры [5, с.80, 269].

Существенно, что изначально внимание концентрировали на этических проблемах блага, индивидуальной добродетели и общественной справедливости, придавая им безусловный приоритет. Имущественная составляющая блага как совокупности вещей для удовлетворения материальных потребностей человека оставалась за рамками понятий блага. Применительно к излишествам богатства и роскоши такие потребности нередко представляли в сатирическом плане, задаваясь риторическим вопросом, следует ли читать и считать благом то, применительно к чему уместно знаменитое замечание древнегреческого комедиографа Менандра (III век до н.э.): «Приобретшему эти блага в изобилии некуда будет и помочиться» [5, с.81]. При этом одновременно обращалось внимание на выходящие за рамки добродетели устремления людей к накоплению богатства и росту потребностей.

Подобные тенденции в оценке этических и материальных пропорций при толковании категорий блага и благосостояния, критические подходы к проблеме удовлетворения растущих потребностей человека развивались в течение многих веков. Они постепенно трансформировались во взглядах социалистов-утопистов и гуманистов XV-XVI веков, фундаментальных трудах Адама Смита по исследованию природы и причин богатства народов, но теперь уже со свойствами не только полезности, но и рыночной «меновой ценности» (1776г.). Таким образом, предпочтение всё более отдавалось материальным аспектам благосостояния. В первой половине XIX века Шопенгауэр, классифицируя категории потребностей человека, писал, что «определить границу разумности наших желаний в отношении к собственности – трудно, если не невозможно. ... Источник нашей неудовлетворенности заключается в наших постоянных попытках увеличить один фактор – потребности». И далее, он акцентирует внимание именно на их материальной стороне: «Неудивительно, что в таком нуждающемся, как бы сотканном из потребностей роде, каков род человеческий, богатство ценится, даже ува-

жается больше и откровеннее, чем все другое» [6, с.43, 45].

При таких вековых традициях неудивительно, что в современных энциклопедических определениях и терминологии, используемой в литературе, при разделении в рамках категорий блага и благосостояния на экономическую и этическую составляющие вернуться к их комплексному рассмотрению пока ещё достаточно трудно. Сохраняющийся финансово-экономический крен характерен и для официальных статистических данных в целом и оценок национального богатства, в частности. Так, в ежегодных статистических отчётах, по рекомендациям международного сообщества, информация о национальном богатстве в системе национальных счетов включает, главным образом, данные об основных фондах по их полной учётной стоимости с разделением по формам собственности. И в целом в статистиках пока доминируют показатели, дающие информацию о материальном производстве и потреблении.

Конечно, присутствующие данные по ВВП, затратам на образование, здравоохранение и науку, пенсионное обеспечение и другие социальные области позволяют косвенным образом формировать более сложные, чем только стоимостные, оценки материального и нематериального потребления. Гораздо труднее обосновать количественные оценки этической составляющей благосостояния, «человеческих компонентов» национального богатства. Здесь можно говорить об определённом продвижении применительно к вводимым в современных исследованиях и программных документах категориям типа человеческого капитала, управления человеческим развитием и т.п. Так, в упоминаемой Концепции 2020 специальный раздел посвящен развитию человеческого потенциала [3, с.18]. В этом контексте следует также обратить внимание на опубликованный на сайте Всемирного Банка web.worldbank.org доклад “Where is the Wealth of Nations”, где дают экстремально высокие оценки в структуре национального богатства человеческому капиталу (77%) в сравнении с производственным капиталом (18%) и природными ресурсами (5%). Это соотносится и с достигнутыми пропорциями инвестирования в человеческий (70%) и физический (30%) капитал. Соответственно, в таких рейтингах впереди с большими отрывами оказываются

традиционные лидеры – страны с высокоразвитой экономикой. Близкие по соотношениям пропорции с существенным превалированием уровня оценок интеллектуальных и других нематериальных активов (в особенности, в сравнении с природными ресурсами) характерны и для других зарубежных публикаций. Правда, здесь складывается впечатление концептуальной нацеленности на сохранение образа неоспоримого превосходства ведущих стран перед всеми иными по всем направлениям материального и любого иного развития.

Таким образом, с учётом рассмотренных тенденций и замечаний следует положительно оценивать введение в программные документы проводимых реформ положений, направленных не только на сохранность и количественное накопление национального богатства (в том числе, в условиях России – богатства природными ресурсами), на максимальное удовлетворение материальных потребностей человека и общества в целом. Всё более полезным будет курс на «восстановление в правах» этических составляющих благосостояния, удовлетворение духовных потребностей. Для этого следует разработать соответствующую систему реально наблюдаемых и регулярно измеряемых показателей для всех слоёв общества, вплоть до его базы – семейных ячеек и индивидуумов. Они должны найти свое значимое место в составе целей и критериев проводимых реформ, предлагаемых механизмов их реализации.

Реформы и преобразования отношений собственности

Успешное построение социально и экономически высокоразвитого общества и справедливого государства, обеспечивающего лучшее качество всех сторон жизнедеятельности, устойчивое и безопасное развитие, растущее благосостояние населения неразрывно связано с решением проблем распределения и перераспределения прав собственности. Часто, максимально упрощая сущность и содержание проводимых преобразований самых различных масштабов и уровней – от общегосударственных программ массовой приватизации до корпоративных сделок слияний и поглощений, мы подразумеваем так называемый передел собственности. Принципиальная дилемма в урегу-

лировании отношений собственности, когда всё общее или всё в частной собственности, сопровождает практически всю мировую историю философии в части общественного устройства от времён «Государства» Платона и «Утопии» Томаса Мора до настоящего времени. Так, в диалоге о наилучшем устройстве государства у Мора эта дилемма сформулирована следующим образом: «Повсюду, где есть частная собственность, где всё измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо ... напротив: никогда не будет возможно жить благополучно там, где всё общее. Ибо, как получится всего вдоволь, если каждый станет увертываться от труда?». При этом убедительно обоснованная и стабильно фиксированная мера пропорций частной и общей собственности также не представляется реальной [7, с.162-164].

Лучшие пропорции общего и частного меняются со временем и уровнем социального и экономического развития, состояния и условий хозяйствования в стране и мировом сообществе. В одних странах и условиях эти процессы прошли в послевоенный период более удачно, и пропорции государственного и частного сектора достигли минимальных уровней, обеспечив эффективное функционирование экономики. В нашей стране массовая приватизация и последующие за ней более продуманные шаги, в конечном счёте, привели к построению начал рыночной экономики, но с огромными потерями социального и экономического характера.

Поэтому неслучайно первое место в предлагаемой модели формирования демократической экономики России отведено процессу «соединения граждан страны (как непосредственных производителей) с факторами производства». Это, бесспорно, направленное в нужную сторону, конструктивное намерение для создания слоя среднего класса собственников, повышения качества труда и заинтересованности в его конечных результатах, улучшения системы налогообложения и т.д. Однако необходимо хотя бы приблизительно оценить количественно достижимые масштабы такого структурного преобразования в отношениях собственности. Здесь есть несколько дискуссионных моментов.

Во-первых, потенциал приватизации того,

что осталось в государственной собственности в производственном секторе экономики, не так уж велик. По статистическим данным, 80% основных фондов уже находится в частной собственности, и представляется, что там доля граждан – производителей не очень значительна. Рассчитывать, что оставшиеся 20% решат проблему желаемого формирования масштабного слоя среднего класса или что современные собственники фондов готовы существенно изменить сложившуюся структуру совладельцев за счет граждан – производителей, затруднительно.

Адресная приватизация крупномасштабных объектов, например, таких как государственные корпорации, потребует от потенциальных участников и приобретателей государственного имущества значительных денежных средств. Оценка текущего финансового состояния различных слоев населения, в том числе тех групп, которые могли бы обеспечить желаемое расширение слоя среднего класса, не позволяет рассчитывать на их непосредственное и независимое участие в таких приватизационных процессах. Потребуется организационно-финансовая поддержка государства и стимулируемых им банковских структур для льготного по времени и условиям возврата кредитования. В то же время, необходимыми средствами в оперативном режиме располагают ведущие международные корпорации соответствующих отраслей деятельности, мировые финансовые институты, отечественные олигархи. Возникает серьёзная альтернатива намерениям справедливого приватизации населения к приватизации такого рода объектов. Мировой опыт решения подобных проблем, в частности, за счёт применения различных механизмов ограничений крупных инвесторов, приоритетного распределения продаваемых акций физическим лицам и мелким компаниям-инвесторам показал лишь их временную эффективность. В конечном счёте, по прошествии определенного времени капитал оказался сосредоточенным у крупных инвесторов, международных корпораций [4, с.354].

Во-вторых, в сложившихся отечественных пропорциях количественно доминирующую ценность для возможной приватизации имущества, находящегося в государственной собственности, составляют земельные и иные природные ресурсы и, в первую очередь, недра.

Но здесь имеются два аспекта для возражений. Первый – формальный и, объективно говоря, несерьёзный. Он определяется тем, что в официальных мировых статистиках оценок национального богатства западные специалисты отвели природным ресурсам роль аутсайдера, значительно уступающего значимости интеллектуальных ресурсов, чем так богаты развитые страны. Так что, даже раздав недра, по алгоритмам известных оценок мы не обогатим решающим образом наше население и заинтересовавшийся такой раздачей средний класс. Вместе с тем, мы оставим без этой собственности будущие поколения, в период жизни которых могут измениться принципы и алгоритмы оценок национального богатства, а главное, понимание их важности для обеспечения благосостояния населения и устойчивого развития страны.

В-третьих, наконец, необходимо определить, население или какой его слой готовы к активному участию в предлагаемом механизме приобщения к крупной собственности через кредитные схемы взаимодействий с банковскими структурами, хотя бы и при поддержке государства. Опыт отечественной организации ипотечного кредитования в решении одной из наиболее актуальных проблем улучшения жилищных условий не показывает массовой готовности, причём как раз в социальном слое со средним достатком. Здесь изначально необходимы серьезные социологические исследования.

Проблема риска в процессах реформирования

Цели реформ и их ожидаемые результаты предполагают не только обозначение направлений развития, структурных и иных качественных изменений, но и конкретные программы действий, комплексы показателей, позволяющих оценивать текущие и конечные результаты как меру достижения целей. Как и всякий процесс управления, перевод экономики в новое состояние подвержен влиянию возможных негативных факторов (факторов риска), меняющихся внешних воздействий и условий, что может приводить к отклонениям от поставленных целей, определённым потерям. Наличие системы измеримых показателей позволит поставить задачи управления рисками, разработки мер по их предупреждению, локализации,

минимизации наносимого ущерба. Это весьма сложная и затратная для решения проблема. Для её конструктивного решения следует провести исследования, по крайней мере, по двум направлениям.

1. Разработать систему показателей, адекватно отражающих содержание и меру достижения поставленных целей. Причём эти показатели или компоненты, на основании которых их оценивают, должны быть доступны для регулярного наблюдения и измерения. Применительно к предлагаемой модели демократического реформирования экономики это означает, в частности, регулярное получение следующих данных:

- количество граждан, вовлечённых в приобретение собственности через предлагаемые схемы льготного кредитования – для оценки значимости формируемого слоя среднего класса,

- объёмы кредитования и динамика возвратных кредитных платежей – для оценки эффективности механизма вовлечения и банковского бизнеса,

- доходы новых совладельцев, приобретённой по предложенной схеме собственности и т.д.

2. Исследовать и количественно оценить возможные проявления и последствия влияния негативных факторов как материальные ущербы, отклонения от поставленных целей и текущих ограничений в течение процесса реформирования. Для этого следует использовать опыт ранее проводимых реформ, известных преобразований в других экономиках, подобных процессов в смежных областях. Полезной будет также «генерация новых», ранее не проявлявшихся, но потенциально возможных видов негативных воздействий, а также различные комбинации факторов влияния.

По результатам проведенных исследований можно реально ставить задачу о разработке обеспечивающей проводимые реформы антирисковой политики как системы превентивных и оперативных мер при возникновении негативных явлений и процессов.

Вместо заключения

Представляется, что успех предлагаемых реформ в наибольшей мере зависит от готовности общества, его классовых слоев и групп, населения в целом и непосредственно граждан к их

конструктивному восприятию. Речь не идет об обязательной поддержке реформ и активном участии, но о понимании объективной направленности преобразований на рост благосостояния и построение отношений на принципах справедливости и рационализма, на удовлетворение общественных интересов. Безусловно, этим принципам должны соответствовать, прежде всего, сами предлагаемые реформы, механизмы их проведения и реальность воплощения.

Так, необходимо методологически определить, оценить и предусмотреть механизм регулярного представления статистических и иных аналитических данных о конкретных структурных взаимосвязях и количественных отношениях таких категорий, как национальное богатство и благосостояние населения, причём не только в целом, но и непосредственно для каждой семьи и отдельного человека, в том числе с учётом регионов проживания, параметров социально-культурного характера, рода занятий и т.д.

Реформирование следует проводить по двум взаимосвязанным направлениям. С одной стороны, как последовательную реализацию тщательно разработанных и всесторонне обоснованных нормативно-правовых положений и экономических механизмов, сопровождаемых согласованными комплексами мероприятий социального характера. При этом процесс должен быть управляем в смысле регулярных оценок заданных параметров преобразований и продуманных корректировок при возникающих отклонениях, в том числе из-за возникающих перемен в воздействиях внешней среды, возможных ошибок и непредусмотренных реалий в реакции общества и его отдельных групп.

С другой стороны, необходимо большее внимание уделить морально-этической (социальной, психологической) стороне преобразований. Необходимо отойти от позиций одностороннего установления критериев развития, направленных только на рост потребления, оп-

ределяющих психологию и поведение человека как нацеленные на максимизацию потребления и удовольствий. Для этого экстенсивный рост инвестиций в образование, науку и т.д. недостаточен. Так, полезно определиться и в программах реформирования заявить, какое образование и воспитание содействует духовному становлению человека, развитию в нём лучших морально-этических принципов и какими нормами и механизмами это возможно стимулировать, каковы должны быть пропагандируемые и отслеживаемые в национальных статистиках обновляемые с этих позиций стандарты качества и уровня жизни.

Литература

1. Кошкин В.И. Российская экономика: путь к демократии // Экономика и управление собственностью. 2011. № 2. С. 2-10.
2. Уровень жизни населения: понятия, индикаторы, ситуация в России / аналитические материалы Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования ИНП РАН - М.: ЦМАКП. www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/tezUSA/tez.asp.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р. www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf.
4. Гровер Р., Соловьев М. Управление недвижимостью. – М.: ВШПП. 2001. 368 с.
5. Готовому перейти Рубикон: в 3 т. – М.: РИПОЛ классик, 2010. Т. 3: Марк Аврелий. Размышления. Эпиктет. В чем наше благо? / пер. с лат. – М.: РИПОЛ классик. 2010. 416 с.
6. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Репринтное издание. – М.: Советский писатель. 1990. 232 с.
7. Томас Мор. Утопия. – М.: Наука. 1978. 416 с. ■